

А. ЧЕРВЯКОВ

ПРИВЕТ,  
МЫ  
ИНО  
ПЛАНЕ  
ТЯНЕ!

A red helicopter with a white rotor and landing gear is flying over the Earth, viewed from space. The Earth's surface shows continents and oceans, and the background is a dark blue space filled with numerous white stars. The helicopter is positioned to the right of the main text.

**Александр Червяков**  
**Привет, мы инопланетяне!**  
**Фантастическая повесть**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67563128](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67563128)  
ISBN 9785005633576*

**Аннотация**

Далёкое будущее. Ромка и Сенька – неразлучные друзья; вместе они прошли через множество трудностей и опасностей на Венере. Однако теперь им предстоят новые испытания – сперва долгий космический перелёт, а затем – долгожданная встреча с планетой Земля, новые знакомства и, конечно же, новые приключения... Сможет ли Земля удивить друзей, привыкших к раскалённой поверхности и смертельно ядовитой атмосфере Венеры?

# Содержание

Привет, мы инопланетяне!	5
Предисловие	5
I. Как мы стали космонавтами	8
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# **Привет, мы инопланетяне!**

## **Фантастическая повесть**

**Александр Червяков**

*Иллюстратор* Ираида Шипулина

© Александр Червяков, 2022

© Ираида Шипулина, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-3357-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Привет, мы инопланетяне!

## Предисловие

Каково это – увидеть Землю в первый раз? А в первый раз попасть под потоки воды, которые льются с неба? Это, кажется, называется, «дождь»? А быть в первый раз в жизни искусанным противно зудящими насекомыми, представляете, как больно? А в первый раз в жизни попробовать торт с кремом?

А как это – увидеть свою родную планету, где остались мама и папа, и все друзья, в виде маленькой яркой звездочки на темном небе?

Оказывается, быть инопланетянином на Земле и весело, и страшно, и поучительно. А герой книги, которую вы держите в руках, Рома Романов – самый настоящий инопланетянин и есть. Вообще-то он обыкновенный мальчишка, вот только родился далеко от Земли, на одной из научных баз Венеры. Живет Рома в будущем, в котором человечество разобралось со всеми своими внутренними конфликтами, победило болезни и голод, оставило войны на пожелтевших страницах учебников истории. Более того, в этом прекрасном будущем оно активно осваивает космос, исследует морские глубины, строит научные станции на далеких планетах.

Итак, вместе со своим закадычным другом Сеней и его папой, профессором Дымковым, Рома совершает первый в своей жизни космический полет на Землю!

Это вторая книга о приключениях мальчиков. Но, конечно, не только о приключениях. Она ещё и о том, что такое настоящая дружба и взрослая ответственность за свои поступки, о том, как дорого иногда стоят детские шалости, о том, что такое неравенство и что такое справедливость. А еще эта книга о красоте. О красоте космоса и Земли, о красоте труда и познания.

Историю о дружбе Ромы и Сени придумал замечательный детский писатель Александр Червяков. Его перу принадлежат первая повесть о Роме и Сене «А у нас на Венере», а еще книги «Метеорит на выходные», «Мы купили планету», множество рассказов, смешных, серьезных и поучительных.

Александр Червяков работает как журналист и популяризатор науки. Математик по образованию, переводчик-полиглот, астроном-любитель, талантливый музыкант, он использует свою богатейшую эрудицию и опыт для того, чтобы рассказать нам о радости, которую может принести созидательный труд и познание тайн Вселенной. Он написал очень много научно-популярных статей, почти все они были опубликованы на страницах необычайно интересного детского журнала «Лучик».

Будем надеяться, что у этой прекрасной книги будет еще одно продолжение!

*Екатерина Федорчук*  
*Председатель Саратовского отделения Союза*  
*российских писателей, литературный критик*

# I. Как мы стали космонавтами

Если вы этого ещё не знаете, то меня Рома Романов зовут. Я с Венеры вообще-то. Папа у меня работает бригадиром на добывающем комбайне, это внизу, на поверхности то есть, а мама – врач в госпитальном отсеке. А живём мы в самой обыкновенной каюте, в жилом отсеке, на атмосферной станции. На поверхности Венеры жить людям невозможно, там и работать-то смертельно опасно. Чудовищной силы ветер, раскалённая лава, вулканы, температура как в печи, почти 500 градусов, а ещё и давление, а ещё пар и дождь из концентрированной серной кислоты. Адское местечко! Без сверхпрочного экзоскафандра человеку там делать нечего, меньше, чем за секунду раздавит и сожжёт. Поэтому и придумали на Венере жить на атмосферных станциях – это такие гигантские аэростаты, плавающие среди жёлтых венерианских облаков на высоте в 50 километров. Тут и жилые помещения есть, и лаборатории для учёных, и мастерские, и пусковые площадки для челноков, и всё такое прочее. А зачем оно всё? – спросите вы. А затем, что такие редкие и ценные металлы на Венере есть, что закачаешься. Для этого у нас добывающие комбайны внизу есть, потом челноками металл на станцию поднимают, а уже оттуда – на орбиту, в космические грузовики, ну и дальше на Землю.

Детей на станции немного живёт, трудно тут потому что.

Но всё-таки есть. Для нас даже школьный центр построили – у нас и маленький спортзал есть, и бассейн, и игровая комната, и где мы уроками занимаемся, и даже живой уголок. А не так давно к нам с Земли вдруг прилетел профессор Дымков, да не один, а с сыном – с Сенькой. Ему десять лет, как и мне, поэтому его к нам в младшую группу привели. Я сперва подумал, что, раз с Земли и профессорский сынок, то не получится у нас с ним подружиться. И мы даже подрались прямо в группе на перемене. Только потом помирились и оказалось, что вовсе этот Сенька не хлюпик и не плакса, а самый лучший в мире друг и выдумщик тот ещё. Каких только приключений у нас не было, вы не поверите! Один раз мы даже умудрились пробраться в челнок, угнали из ангара настоящий экзоскаф и отправились на поверхность Венеры, представляете? Правда, отругали нас потом очень сильно, даже едва не выпороли. Но обошлось. А другой раз мы вместе придумали, как «Сколопендру» – это робот такой научный для исследований – вытащить обратно наверх, когда у него двигатель сломался... Короче, очень крепко мы с Сенькой Дымковым сдружились. Про наши приключения на Венере я вам как-нибудь подробнее обязательно расскажу. Но сегодня я про другое, тоже будет интересно, обещаю. В общем, началась эта удивительная история так...

...Мы вместе с Сенькой, Андрюхой и Васьком, ну, это тоже мальчишки из нашей школьной группы, в настольные иг-

ры играли. У Васька в каюте. Но тут звонит звонок, Васёк открывает, а на пороге папка мой стоит. И Сенькин тоже отец, Анатолий Сергеевич. Вот как раз он и спрашивает удивлённо:

– Мальчики! А можете ли вы мне объяснить, почему нас вместе с вами снова вдруг вызывают к начальнику станции, а?

Меня как подушкой по голове стукнуло.

– Что, сразу всех четверых? – спрашиваю.

– Да нет, не всех. Только тебя и Сеню. Но это срочно, так что игру свою потом доиграете.

– А это когда было? – Сенька задаёт вопрос.

– Да вот пятнадцать минут назад это было – Анатолий Сергеевич говорит. – Звонит мне по коммуникатору лично Архидемон, то есть Виталий Борисович, и приглашает на свидание – меня, Ваню – тут он на папу моего кивает, – Рому, Сеню. И, что самое интересное, Ромину маму тоже! Так всё-таки, что произошло, кто-нибудь знает?

Мы с другом только головами мотаем. К начальнику станции? Зачем? Что-то совсем мне неудобно стало и страшно-вато. А что тут сделаешь? Раз вызывают на ковёр, то ничего не попишешь, надо идти. Тут вам не ясельки, а венерианская станция, тут капризы «хочу – не хочу» плохо срабатывают. Если срабатывают вообще.

Идём мы по станционным коридорам, торопимся. Даже не разговариваем особо. Только потом вдруг я сообразил,

что идём мы вовсе не в сторону кабинета Архидемона, а туда, где конференц-зал находится. И точно – заходим внутрь, а там один только Виталий Борисович и сидит. Задумчивый! С кресла встаёт, со всеми нами за руки поздоровался. Даже со мной и с Сенькой, хотя нам только по десять лет исполнилось.

– Присаживайтесь, располагайтесь, – Архидемон приглашает. – Разговор будет длинный и, скорее всего, очень непростой...

Расселись мы, благо свободных кресел вокруг вагон и маленькая тележка.

– Так всё-таки что такое экстренное произошло? – папка мой спрашивает. – Снова две новости, одна плохая, а вторая ещё хуже? Или мальчишки что-то набедокурили?

Мы с Сенькой только переглянулись и плечами пожали:

– Ничего мы не бедокурили, вот честное-пречестное! – хором говорим.

Архидемон сперва ничего не сказал, только прокашлялся. Потом вроде как собрался что-то ответить, но тут в зал заходит профессор Черсин – он не так давно к нам на станцию прилетел, это Сенькиного папы самый главный начальник, важная очень шишка, – а с ним другой дядька, помоложе. Тоже, наверное, из тех яйцеголовых, которые с Земли прибыли в последний раз. Профессор Черсин нас всех взглядом окинул, руки потёр:

– Все действующие лица здесь? Вроде бы как все... Что ж,

тогда давайте начинать!

И сел в кресло. Выдохнул шумно.

– Итак. Во-первых, у меня вчера было серьёзное совещание с руководством. Руководство нашими и вашими успехами очень довольны, непременно жаждет ознакомиться с собранными данными, так сказать, «накоротке». Ну и... Анатолий Сергеевич, Вы отлично поработали, однако достаточно Вам гулять по поверхности Венеры, пора знания и опыт передавать другим. В нашем НИИ планетологии идёт расширение, ввели должность заместителя по экстремальным исследованиям, и ожидают, что эту должность займёте именно Вы. Так что собирайтесь-ка домой, пора на Землю...

Я когда сообразил, что профессор Черсин сказал, у меня будто в животе что-то провалилось и стало неудобно, как если что-то очень нехорошее сделал, а тебя за этим застукали...

– А как же Сенька? – тихо спрашиваю.

А у Сеньки лицо, гляжу, тоже растерянное до невозможности. Вот чего угодно он ожидал, только не такого. И глаза предательски заблестели, еле сдерживается, чтобы не заплакать...

Анатолий Сергеевич тут говорит:

– Неожиданно всё это, честно говоря... Я уже как-то к Венере привык... Нет, понятно что возвращаться рано или поздно пришлось бы, но чтобы вот так внезапно... Нельзя ли это дело отложить ещё хотя бы на пару месяцев? Да и долж-

ность новая непростая, боюсь, что не справлюсь...

Профессор Черсин вперёд наклонился даже:

– А кто тогда справится? Нет уж, профессор Дымков, не отлынивайте, пожалуйста! Лучше Вас нам никого не найти, когда я Вашу фамилию назвал в качестве возможной кандидатуры, весь учёный совет аплодировать начал. Да так, что я думал – сейчас занавески с окон попадают. В Подмоскovie уже строится новое здание, осенью как раз надо будет заселять лаборатории, составлять планы исследований, и так далее. Сейчас на Земле февраль, к лету как раз будете на месте. Жильё, транспорт, питание – не беспокойтесь, всё уже решено в самом лучшем виде. Отдохнёте, осмотритесь и приступите к работе.

Потом поворачивается к Архидемону:

– Теперь во-вторых. Виталий Борисович! Нам в новом институте чертовски будет нужен классный спец по работе на поверхности Венеры. Помимо всего прочего, будем строить большой тренажёрный полигон, полноразмерные камеры с имитацией физических условий, готовить операторов экзоскафов... Иван Андрианович – он как бы не мой подчинённый, а Ваш. Может, отпустите его к нам?

Папка мой помрачнел и даже с кресла встал:

– Я, конечно, спасибо и всё такое, только моё место здесь, а не на Земле... Извините...

Архидемон головой покачал:

– У вас на Земле, значит, специалистов не хватает – только

у нас, на Венере, их тоже не вагон... Больше скажу – не хватает нам людей! А Романов у меня лучший бригадир, самый опытный, я без него как без рук. Не пущу, вот хоть стреляйте. Он нужен мне здесь! Даже если согласится – не отпущу. Но он и сам не согласится, я давно его знаю.

Профессор Черсин руками разводит:

– Досадно, но я Вас очень даже хорошо понимаю. Знаю, в каких условиях тяжёлых работаете, и что нехватка людей у вас на станции существенная. Особенно подготовленных. Вот с этим как раз мы вам постараемся помочь, не прямо сейчас, конечно, но через 3—4 годика, думаю, пришлём первую партию специалистов... Молодых, грамотных, знающих, чтобы и в атмосферу, и на поверхность, и чтобы челнок могли водить, и экзоскаф... А в перспективе у нас – постройка второй российской атмосферной станции, уже нового поколения, хотя это, конечно, вопрос не одного десятка лет... Хорошо. Тогда третий вопрос. Как я понял и как мне рассказывали, Рома без Сени никуда, а Сеня без Ромы туда же. Сеня, ясное дело, должен с отцом на Землю лететь... Но вот Рома... Вопрос деликатный, не спорю, но... Может быть вы сможете отпустить Рому Романова вместе с другом? При институте у нас физико-математическая школа для одарённых детей есть, учиться будут вместе... Мне даже неловко как-то спрашивать, у мальчишки тут семья, мама, папа, я не настаиваю... Но очень уж эти ребята мне приглянулись, когда со «Сколопендрой» беда случилась. Им настоящая шко-

ла нужна, сильная. Я ничего плохого про вашу местную школу сказать не хочу, но вы же сами тоже наверняка о таком думали не раз... Само собой, разлучать семью насильно никто не будет – так что решать прежде всего вам, уважаемые Иван Андрианович и Вера Матвеевна... – и на папу с мамой моих глядит.

Я растерялся, потом испугался, а потом вообще не знаю что. Потом шмыгнул отчего-то носом, а тишина висела в зале такая, что этот шмыг как громом прогремел. И тут вдруг мама сказала:

– Нет уж, раз такое серьёзное дело, пускай Ромка сам решает. Он у нас уже вполне большой, чтобы понять: хочет он остаться с нами на станции, или вместе с другом своим на Землю отправляться, на учёбу.

А я тогда окончательно раскис и вдруг заплакал. Потом соскочил со своего кресла и бросился маме на шею:

– Мам, а мам, а можно сделать так, чтобы мы все вместе на Землю полетели? И папка, и ты – ведь как было бы здорово? Я с Сенькой на Землю хочу... только без вас не хочу...

Мама обняла меня крепко и молчит. Тут отец со своего кресла встал, подошёл, положил руки мне на плечи:

– Нет, Ром. У меня работа внизу, бригада, её бросать не положено. И маму в госпитальном отсеке никто не заменит. Так что думай сам, не малыш! Вот только... Я бы на твоём месте всё-таки полетел.

– А мы по связи каждый день разговаривать будем? –

спрашиваю.

– Ещё бы! Не просто разговаривать – следить вместе с мамой за твоими успехами, как растёшь, как себя ведёшь, как учишься. Ну а как выучишься – тогда ждём тебя обратно на станции. Но решать тебе, сынок. Захочешь остаться – останешься. Захочешь полететь – полетишь.

Я к стенке отошёл, лбом в неё упёрся и глаза закрыл. И такой у меня кавардак в голове, и вот ни грамма не знаю, что выбрать и на что решиться. А потом слышу голос Архимедона:

– Что-то я тебя, Романов-младший, не узнаю нынче. Значит, как пробраться втихаря в челнок и улететь без спросу на поверхность – это у нас смелости хватает? Ни мама, ни папа не помеха? А вот когда разговор про хорошее дело идёт, про учёбу – так сразу хвост поджал?

А потом вдруг Сенька говорит тихо-тихо:

– Пап, ты тогда лети на новую работу... Только можно я у дяди Вани с тётей Верой тут останусь, на Венере... Просто я без Ромки на Землю лететь не могу, понимаешь?

А я вдруг подумал о том, какая же интересная, наверное, штука эта Земля. И что я же не навсегда улетаю. И что Сенька будет со мной, и Анатолий Сергеевич. И что я уже конечно не совсем взрослый, но всё-таки взрослый. А раз взрослый, то надо решаться. Говорить или «да», или «нет». А решил – тогда как отрезал, как скала. Как папка мой. Смахиваю последнюю слезинку и говорю:

– Нет, Сень. Я понял. Я хочу лететь. А пока учиться будем на Земле, мы такую штуку придумаем... круче «Сколопендры» в тридцать раз! И на ней вместе вернёмся на Венеру! Вот!

А потом почему-то снова кинулся обнимать маму. И опять заплакал, хотя и не положено уже мальчишкам в моём возрасте сырость разводить. Особенно на людях. Но ничего поделать с собой не могу.

На самом деле совсем не сразу мы полетели. Потому что надо было все собранные учёными материалы погрузить в корабль, и всё подготовить, а это совсем не быстро происходит, оказывается. Целые две недели мы ещё на станции прожили. В школьном центре ребята, само собой, быстро всё узнали и очень огорчились, что мы улетаем с Сеней. И Полина Алексеевна, учительница, тоже.

– Хулиганы вы, конечно, те ещё, – сказала она печально, – но без вас наша группа будет совсем не такая весёлая. Вы обязательно нам пишите и по видео тоже связывайтесь – и с корабля, и с Земли особенно. Ведь всем ребятам как будет интересно – когда не учебный фильм по видео, не какая-то там познавательная программа, а их собственные друзья рассказывают про другую планету. Особенно ты, Рома – ведь ты на Земле ещё никогда не был?

– Не был... – говорю. – Но я всё-всё там осмотрю и про всё вам буду рассказывать.

– Я понял! – вдруг Петька руку поднимает. – Это будут такие как будто для нас специальные уроки про Землю с Сенькой и Ромкой! Как передача по телеку! Круто!

Все заплодировали. На прощание нам с Сенькой ребята кучу разных подарков подарили. В основном рисунки и значки. Алёнка Кошечева вышила нам по носовому платку разноцветными нитками, а вот Андрюха двух лавовых драконов где-то раздобыл, не такие шикарные, как у меня были, но вполне себе нормик:

– Один, Ромка, для тебя, а второй для Сеньки. Там на Земле ребятам, ну, с которыми там подружитесь, обязательно покажите и рассказывайте, как тут у нас наверху и на поверхности тоже!

Но всё равно грустно было. И сосед мой Васёк жутко расстроился, а маленькая Надя Курёхина даже разревелась. Я никогда не думал, что уезжать так далеко и надолго из дома, где всю жизнь прожил, это так тяжело и с ребятами расставаться. Даже вечно вредный и ехидный Мишенька-ангелочек вдруг нам подарил открытку, которую сам нарисовал, а внутри стихи, и совсем не ехидные:

*Я хочу сказать негромко:  
До свиданья, Сенька, Ромка!  
На далёкую на Землю  
Улетаете вдвоём;  
Вы учитесь поскорее*

*И обратно на Венеру*

*Возвращайтесь, возвращайтесь,*

*Мы вас очень-очень ждём!*

Но, конечно, больше всего я с папой и мамой времени проводил. Мама помогала мне понемногу вещи собирать – одежду, игрушки, книжки; аккуратно мы всю мою коллекцию упаковали в коробки – это и ребятам, с которыми мы вместе учиться будем на Земле, интересно станет, и нам с Сенькой как бы на память, чтобы про Венеру не забывали. Уложили наш конструктор, Сенькин радиоуправляемый вертолёт, все мои модели челноков. Мама постоянно повторяла, чтобы я Анатолий Сергеевича слушался во всём, и вёл себя прилично, и учился тоже как следует. И чтобы на Земле во всякие приключения носа не совал. И папка тоже строго-настрого приказал:

– Нас с мамой рядом с тобой не будет, но это не повод, чтобы расслабляться! Надо, чтобы ты на Земле всем показал – ребята с нашей Венеры и вести себя умеют, и учатся лучше всех. И в обиду себя не давай никому. А если что Анатолий Сергеевич скажет – чтобы слушался, как меня, ясно? Обещаешь?

– Обещаю, пап! – говорю. А у самого на душе не пойму что. Как оно всё будет? Что меня ожидает там, на Земле? Как я буду без мамы? И страшно, и тоскливо, а вроде бы как и любопытно, и терпение уже совсем заканчивается... А ещё

вот по правде: даже когда мы с Сенькой на поверхность убежали, я чувствовал себя гораздо смелее и увереннее... Ужасно противная штука это ожидание, скажу я вам!

А когда пришёл тот самый день и ожидание закончилось, мы все вместе на пусковую площадку отправились, к челнокам. Только не к тем, которые вниз, на поверхность. А к тем, которые наверх, на околопланетную орбиту. Архидемон на этот раз даже на все правила рукой махнул, и разрешил, чтобы наша группа вместе с Поллексеевной нас провожали. Ну и мама с папой – это уж само собой. Хотелось плакать, но как же тут заплачешь, когда на тебя ребята во все глаза смотрят? И особенно девочки? Сказали мы всем «до свидания», маму с папой я обнял так, как, наверное, в жизни ещё ни разу не обнимал. И Сенька потом их тоже по очереди обнял, и его моя мама поцеловала так же крепко, как и меня. А потом мы взяли вещи и пошли по трапу в челнок. Я обернулся и ещё раз всем-всем помахал. А потом трап поднялся, мы уселись в кресла, пристегнулись, и завyli тихонечко двигатели...

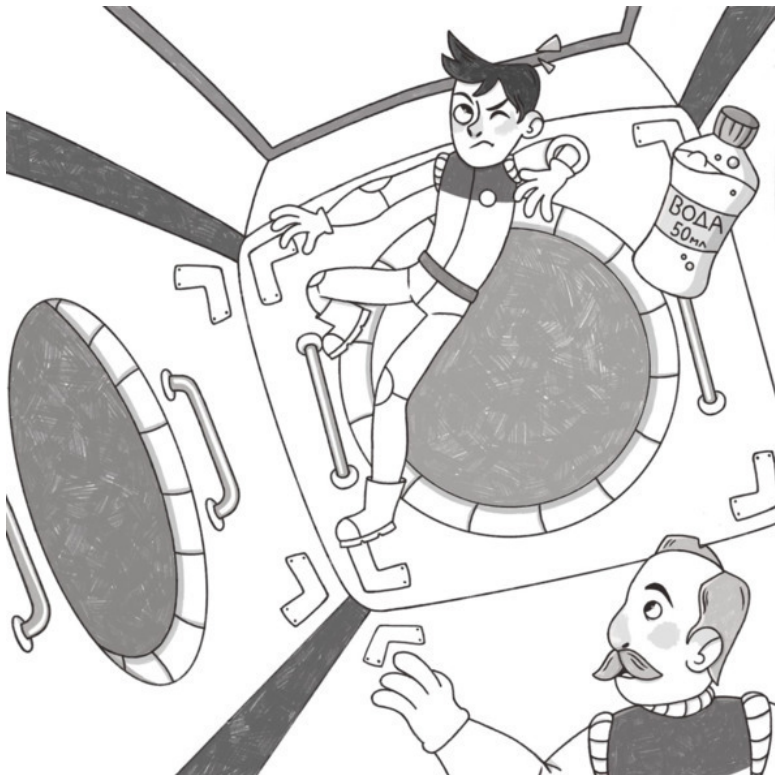
Сначала в иллюминаторах челнока картинка была мне тысячу раз привычная – обыкновенные венерианские облака, жёлто-оранжевые и плотные, как вата. А потом вдруг они оказались внизу, под нами, а вокруг остался только странный жёлто-зелёный туман. И я в первый раз в жизни увидел Солнце – круглое, как мяч, и ярко-белое. Я даже вскрик-

нул и зажмурился от неожиданности. Тогда Сенькин папа на кнопку нажал, и на иллюминаторы поляризующие шторы опустились. Небо становилось всё темнее и темнее, до тех пор, пока не превратилось в глубоко чёрное. И только Солнце в нём желтоватым кругом с резким краем. А далеко внизу остались причудливые разводы венерианских облаков, и я подумал, что снова увидеть их смогу очень-очень не скоро. А потом подумал, что за это время смогу увидеть столько интересного и нового, что все ребята в классе обзавидуются. Потом снова грустно подумал про маму с папой. А потом вдруг увидел громадную металлическую конструкцию – не такую, конечно, громадную, как наша станция, но тоже ого-го!

– Ну что, господа пассажиры, – раздался весёлый молодой голос пилота челнока. – Вот мы и прибыли!

Мягкий толчок, вибрация, а потом двигатели челнока стихли. Я сперва совершенно не понял, что со мной такое происходит. А потом даже засмеялся от удовольствия. Ощущение было такое, как будто я в школьном бассейне нырнул к самому дну и будто бы завис, глаза закрыл, и не чувствую ни верха, ни низа, только воды вокруг нет и воздуха набирать совершенно не нужно. Стало легко-легко и приятно, это было как во сне, но ни капельки не сон!

Расстегнув ремень, я подпрыгнул в кресле... Ой! Я резко взлетел вверх и больно стукнулся макушкой о потолок. Даже скривился и губу закусил.



Анатолий Сергеевич тут ко мне поворачивается:

– Ох, Ромка, я ведь и забыл, что ты у нас первый раз в космосе. Это Сенька у меня уже тёртый космонавт, он, пока с Земли на Венеру летел, к этой штуке успел приобвыкнуться. Невесомость это называется.

А я за макушку рукой держусь:

– А почему невесомость? – спрашиваю наконец.

Про невесомость нам как-то Поллексеевна в школе рассказывала. Но это так давно было, что я уже забыл.

– Долго объяснять, – Сенькин папа отвечает. – Веса здесь нет совсем, ни у предметов, ни у людей. Сейчас ты весишь легче, чем пёрышко от подушки, понял? Вот полетим, будет у нас времени вагон, на занятиях по естествознанию я вам обязательно подробнее расскажу.

А меня даже боль отпустила и такое любопытство разобрало:

– Не надо подробно, дядя Толя, но хоть чуточку?

– Ты не болтай давай, а аккуратно забирай свои вещи из шкафчика и продвигайся к люку в корабль, вон туда вон, – Сенькин папа рукой показывает. – И ты, Сеня, от друга не отставай. А если чуточку, тогда скажи, если ты на весы встанешь у себя в каюте, какую цифру они покажут?

– Тридцать килограмм – отвечаю.

– А если я возьму и тебя вместе с весами со станции сброшу вниз?

– Тогда я задохнусь, там же серной кислоты полно... – удивляюсь.

– Забудь про кислоту. Считай, что на тебе высотный скафандр. И падаешь ты вниз. Какую цифру покажут весы, а?

Тут я очень крепко задумался. Вообще, конечно, если я буду вниз падать, то как было во мне 30 кило, так и останет-

ся. Но весы покажут... Ведь они вместе со мной падать будут, то есть я на них давить не буду... То есть ничего не покажут? Но этого не может быть!

– Я не знаю, дядь Толь... – выдаю наконец результат. – Получается что вроде бы весы должны мой вес показать... А вроде как и не должны... И главное, причём тут космический корабль? Мы же никуда не падаем! У меня всё в голове перепуталось!

– А ты особо и не заморачивайся пока. Сложно это, сразу не поймёшь, надо по чуть-чуть. Пока до Земли долетим, успеешь разобраться. А пока просто поверь – корабль на орбите как будто «падает» вместе с тобой. Как те весы. А потому – невесомость. Ты к ней пока не привык, так что советую резких движений не делать, никуда не торопиться, ясно?

– Ясно, – говорю в ответ. Хотя на самом деле ничего мне не ясно. А что двигаться надо осторожно это я уже и сам догадался. Не малыш, одиннадцатый год всё-таки.

Наш грузовик назывался «Большая медведица 8» и летал с Венеры на Землю и обратно уже не первый год. По странному и смешному совпадению командовал восьмой «Медведицей» капитан Косолапов, а звали его Михаил Михайлович. Только сам на медведя он был совсем непохож – небольшого роста, щуплый, подтянутый. Чем-то на молодых техников с нашей станции смахивает, хотя по возрасту намного старше. С нами, мальчишками, он сразу же общий язык нашёл,

а когда узнал, что мой папа – Иван Андрианович Романов, и вовсе обрадовался. Оказывается, они с папкой друг друга знают ещё с тех пор, когда тот в разведке работал. А ещё в составе экипажа были космонавигатор и бортинженер, вот, собственно, и всё. И мы с дядей Толей пассажирами.

Рассказать вам, что такое космический грузовик? Это такая штука, которая снаружи вроде громадная, но внутри неё жутко тесно. Я думал, что у меня на станции комната в каюте маленькая, а оказалось, что вовсе она не маленькая, а даже очень просторная. В общем, смотря с чем сравнивать! В первый же день капитан нас всех сопровождал по коридору до открытого люка с надписью «04». А коридоры в корабле все довольно узкие, шире, конечно, чем трубы вентиляции на станции у нас, но ненамного. Двум взрослым разойтись едва-едва хватит, хотя нам, мальчишкам, конечно попроще в этом плане.

Анатолий Сергеевич в невесомости вполне себе уверенно передвигается, Сенька намного хуже. Но всё равно – они-то пока к нам на Венеру летели, у них сколько времени было, чтобы приобвыкнуться. А я – первый раз. Не получается у меня – то локтем обо что-нибудь стукнусь, то плечом, то коленкой. А то и головой!

– Ты, Ром, – это Сенька мне объясняет, – двигайся медленно, плавно, как будто бы в воде. Или как мы в группе на физкультуре играем в «море волнуется». Тогда всё получится. А у тебя движения слишком резкие, вот ты и стука-

ешься. Я тоже так не умел, когда мы с папой к вам полетели. Один раз ссадину себе на лбу знаешь какую посадил? Даже кровь была. А кровь в невесомости не стекает вниз, а как будто у тебя на лбу воздушный шарик надувают, представляешь? Я как себя в зеркало увидел, сперва испугался, а потом смешно мне стало.

Я как представил себе Сеньку с таким «украшением» на лбу, тут же захихикал. Как раз мы до нужного места добрались. Капитан на кнопку нажимает:

– Вот, – говорит, – прошу, тут будет ваша каюта. Располагайтесь!

А мы с Сенькой по сторонам головами крутим – тут же помещение совсем крохотное! Как душевая кабина, разве что самую капельку больше, и ниши в стенах.

– А где же тут располагаться? – спрашиваю. – Тут даже спать негде!

– Отчего же негде? – удивляется Михал Михалыч. – Вот в этом пенале места вам двоим вполне хватит! – и показывает на нишу. – А Анатолий Сергеевич покрупнее вас, мальчишек, будет, ему мы отдельный пенал выделим, вот здесь напротив.

И выключателем щёлкнул. В нишах загорелся свет. И точно – ниша эта оказалась довольно длинная, как раз внутри взрослый человек поместится. И друг напротив друга – две странные кровати без одеял, зато с ремнями и застёжками. Капитан нам продолжает рассказывать:

– Это вот спальный мешок, никаких одеял у нас не бывает! Раздеваетесь, открываете клапан – вот так вот! – и залезаете внутрь, а потом застёгиваете вот тут и затягиваете ремни. Матрас у мешка анатомической формы, так что спать будет мягко, как на перине, не беспокойтесь. Я понятно объясняю? А сбоку шкафчики – это для мелких вещей и куда одежду складывать.

– А застёгиваться зачем? – это я спрашиваю.

– А затем, мой юный космонавт, что тут невесомость почти весь полёт! Если не пристегнуться, то заснёшь ты, а тебя вместе с мешком из каюты-то и унесёт, так и отправишься плавать по нашим коридорам! – тут капитан даже рассмеялся. – Ну и когда разгон, торможение или корректировка орбиты идёт, надо в койку влезть и пристегнуться, так безопаснее всего. Трясти и дёргать будет жёстко.

– А как же пилоты? – говорю. – Их что, тоже в койки укладывают?

– За пилотов не беспокойтесь, у них компенсационные кресла в рубке, тоже с пристяжными ремнями. Вообще мы с вами о технике безопасности ещё не раз и не два подробно поговорим, а пока запомните накрепко: в невесомости оставленный без присмотра предмет может оказаться где угодно! Так что всё надо или привязывать, или пристёгивать, или магнитом крепить, или на липучку, или просто укладывать в шкафчики и запирать. Просто так ничего бросать и оставлять нигде нельзя. Даже простой карандаш, даже самую ма-

ленькую гаечку. Ясно? Располагайтесь, короче, а я в рубку полетел. Скоро старт. Анатолий Сергеевич, пристегните мальчишек хорошенько, а потом и сами. Будет немножко неприятно, но я постараюсь как можно аккуратнее корабль разогнать.

И из каюты выплыл. Стали мы вещи свои по ящикам раскладывать. Что в невесомости хорошо – нигде нету ни верха, ни низа, так что шкафчики могут быть где угодно, даже в полу или в потолке. Сенькин папа нас заставил в койки влезть, чтобы форму матраса настроить. Велел лежать спокойно и нажал на кнопку – чувствую, неровный матрас под спиной задвигался, зашевелился, а потом реально стало мягко и удобно, как на самой лучшей в мире перине. А потом мы учились пристёгиваться. Между прочим, когда ты внутри мешка уже, пристёгиваться совсем не так просто, как кажется! Но у нас с Сенькой койки одна напротив другой, лицом к лицу – так что мы друг другу помочь можем, если что. Туго-натуго нас дядя Толя к койкам примотал, а потом по какой-то таблетке велел проглотить:

– Сеня, ты у меня уже в космосе был, помнишь, как оно бывает, когда перегрузка?

Сенька кивает в ответ:

– Я помню. Ты не волнуйся, пап.

Я спрашиваю, а самому страшно даже стало:

– А что, больно сильно будет?

Сенька поморщился:

– Ну, не совсем чтобы больно. Но приятного мало. Пере-терпеть можно – я, когда первый раз стартовал, ещё малень-кий был, мне девять лет было тогда. И то даже почти не за-плакал.

– Ты, Рома, не бойся! – это мне Анатолий Сергеевич гово-рит. – Капитан у нас опытный, большой мастер своего дела. Он корабль так разгонит, что ты почти даже не почувствуешь ничего. Если что – я тут, рядом.

И в свой «пенал» уплыл. Слышно было, как он пристё-гивается, как на кнопки нажимает. А потом вдруг замигал красный свет и резко загудел зуммер. Из невидимого дина-мика раздаётся уже знакомый голос капитана:

– Ну что, все готовы? Заняли места согласно купленным билетам? Тогда держитесь, следующая остановка – планета Земля!

И вдруг стены нашей каюты начали еле слышно вибриро-вать, а затем на меня навалилась страшная тяжесть. Ремни больно сдавили грудь, спальный мешок стал будто бы свин-цовый, сильно закружилась голова, затошнило, я даже глаза закрыл. Ощущение, как будто мы с пацанами в группе в «ку-чу малу» играем на перемене, а я оказался в самом-самом низу, и ни руку не могу вытащить из-под чудовищного груза, ни ногу... Стало так плохо, что я и вправду решил заплакать и кричать, но потом передумал. Потому что стыдно – ес-ли Сенька с этим справился, когда девять лет было ему, то-гда чем же я хуже? И в этот момент вдруг тяжесть исчезла –

так же внезапно, как появилась. И ничто не давит, и дышу уже свободно. И чувствую – опять невесомость.

Открываю глаза, смотрю на Сеньку. Тот бледный, но бодрый. И мне подмигивает:

– Всё, проехали! Я же говорил – не страшно? Помогай давай ремни отстёгивать!

А тут и дядя Толя к нам заглядывает:

– Рома, ты как? – меня спрашивает. – Можно поздравить тебя с посвящением в космонавты?

– Можно... – я стараюсь отвечать бодро, но как-то не особенно уверенно у меня это получается.

Отстегнулись мы наконец. Медленно прихожу в себя.

– Сеня! – Анатолий Сергеевич говорит – ты давай, как более опытный, лети вперёд в кают-компанию. А я следом, Ромку подстрахую на всякий пожарный. Рома, тебя что, тошнит?

– Нет, – говорю в ответ, – не тошнит... Уже...

Поплыл я следом за другом за своим. Вроде легко в невесомости, а меня будто шарахает из стороны в сторону. Наверное с непривычки. Сенькин папа меня то и дело поправляет.

– Ничего, – приговаривает, – ничего, через пару недель будешь как рыбка в воде здесь плавать...

Наконец, до большого люка добрались. До той самой кают-компании, наверное. Капитан уже внутри сидит, даже помахал нам:

– О, а вот и мои пассажиры! Все целы все здоровы? Никто завтрак случайно по дороге не растерял?

– Однако лихо ты, Михал Михалыч, стартанул! – весело, но чуточку озабоченно отвечает Сенькин отец. – Я думал, будет помягче... Мне-то вроде ничего, но мальчишки вон до сих пор зелёные! Особенно Ромка. Ты не сильно много дополнительного ускорения дал?

– Да ладно, «много»! – капитан отвечает. – Три, ну максимум пять «же», и те не больше сорока секунд. Парнишкам, конечно, несладко приходится, слабенькие они ещё, а что делать? Курс перерасчитывать? Тогда мы все семь месяцев до Земли тащиться будем... Так что иногда придётся потерпеть, ребята... – это он уже к нам с Сенькой обращается.

– Я, – как можно бодрее стараюсь держаться, – между прочим уже совсем не зелёный, а в полном порядке и совсем мы уже не слабенькие какие-то! Правда, Сень?

Друг мой только головой кивает, а потом спрашивает:

– Дядя Миша, то есть товарищ капитан, а почему Вы сказали «пять же»? Или «три же»? Чего пять или три, я не понимаю...

Капитан даже засмеялся:

– То есть как «чего»? Тех самых «же»! «Же» – это не просто словечко, а единица измерения ускорения, понимаешь? Латинской буквой «g» обозначается. Если на борту «0g», то есть «ноль же» – тогда невесомость, как сейчас. Если «1g» – то вес у предметов становится в точности, как на Земле. Ес-

ли «0.9g», «ноль-девять десятых же», тогда как на Венере. А вот если больше, тогда всё становится тяжелее. Вот в тебе сколько килограммов?

– Кажется, тридцать... – Сенька неуверенно отвечает.

– Ну вот, это если ускорение на борту 1g, то и весить ты будешь свои тридцать кило. А вот во время манёвра на какое-то время возникает перегрузка – при ускорении 5g ты вдруг начинаешь весить не 30, а 150 килограммов, понял?

– И поэтому так дышать было тяжело?

– Молодец, догадливый! Вот по самому по этому.

Я ушам своим не верю.

– Михал Михайлович, – начинаю, – но как так может быть, что один и тот же человек только что 30 кило весил, а потом вдруг – шарах! – и сразу весит 150? Как будто он полгода одни шоколадки и пирожные ел!

– На станции у вас, Рома, – отвечает мне капитан, – вес штука постоянная, это правда. Чтобы его поменять точно надо полгода пирожными питаться. А вот в космосе совсем не так. Всё зависит от ускорения корабля. Если ускорение ноль – то вообще полная невесомость, ничто ничего не весит. А если ускорение большое – тогда обычная картонная коробка может вдруг стать тяжёлой, как свинцовая гиря, понял? Так что привыкай, брат. Учись!

Про «учись», кстати, как оказалось, вовсе не просто так капитан напомнил. Зря я думал-надеялся, что в корабле

во время полёта от школы отдохну. Потому что на второй же день Сенькин папа нас после завтрака в кают-компании усадил, в наши планшеты кучу книжек загрузил и задачек по арифметике.

– Учиться, – сказал – это ваша первая и главная обязанность, от неё вас никто не освобождал! Каждый день задания давать буду, и проверять буду самолично и по всей строгости, усвоили?

И назадал заданий целую кучу. И по истории целый параграф, и по географии, и по естествознанию, и по русскому упражнению... А потом ещё и по чтению! Так что пришлось нам с Сенькой целых два часа сидеть за уроками, или даже три. А после обеда Анатолий Сергеевич все задачки у нас проверял и заставил рассказ вслух пересказывать. И только потом играть отпустил.

Если Сенькин папа вдруг чем-то сильно занят – читает какие-нибудь там научные статьи в планшете или пишет в блокнот – то за наши уроки берётся Андрей Львович, космонавигатор и второй пилот. Такой высокий дядька, худой, волосы у него чёрные, а вот аккуратно подстриженная борода отчего-то седая, хотя он совершенно ещё не старый. Ох и гоняет же он нас, особенно по астрономии и по своей любимой математике! Сеньке проще, он самые сложные примеры иногда даже в уме решать может, а вот мне приходится совсем несладко. Хотя во всём остальном Андрей Львович очень даже весёлый и добрый. Когда не его вахта, он и кучу

историй разных знает и анекдотов, и поиграть с нами в шахматы никогда не отказывается. А ещё он заведует на корабле обсерваторией – это такое место, откуда за звёздами наблюдают.

Мы с Сенькой внутри корабля довольно долго осваивались. Наверное, только через неделю или даже две начали более-менее свободно ориентироваться. Жутко непривычно, что коридоры могут поворачивать не только направо или налево, а и вверх, и вниз, и под наклоном и вообще в любом направлении. Да и сами коридоры узкие, как трубы – а всё потому что по ним не ходят в полный рост, а летают «вдоль». И входные люки в основном такие же узкие – и в нашу каюту, и во все остальные. Спальных кают, как наша, в корабле всего четыре; ещё есть камбуз, где готовят еду и обедают, санузел, спортивно-медицинский отсек, рубка управления, обсерватория, комната связи, штурманская рубка, кают-компания и приборно-агрегатный отсек. А все остальные помещения – грузовые, и много их, наверное, штук двадцать. И заставлены самыми разными контейнерами и опечатанными коробками со всякими надписями. Мы с Сенькой сразу поняли, что здесь в прятки ну просто супер будет играть! А капитан Косолапов, когда нам грузовые отсеки показывал, как будто мысли читать умеет:

– Вообще говоря, здесь не опасно. Все контейнеры намертво болтами прикручены. Но, пока в невесомости двигаться уверенно не научитесь, я бы на вашем месте сюда

не залетал. А ещё – тут всё-таки хозяйство Борис Матвейча, нашего бортинженера, а он человек строгий и особенно мальчишек терпеть не может. Если хотите поиграть или чем заняться, лучше летите в кают-компанию.

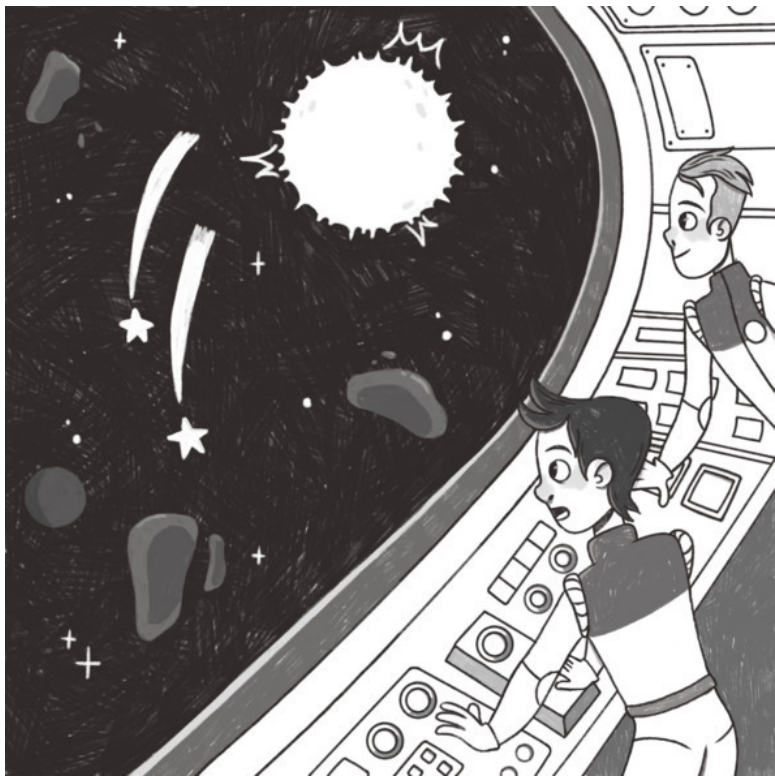
Кают-компания на корабле – самое просторное помещение, если, конечно, не считать грузовые отсеки. Тут вполне уютно: и большой телевизор есть, и магнитная доска для настольных игр. В свободное время Сенькин отец с Михал Михалычем здесь в шашки и шахматы играют, и нас с Сенькой тоже учат. Мы с моим другом в этой каюте больше всего времени проводим – и уроками занимаемся, и болтаем, и телек смотрим. Потому что в спальной каюте места ну очень мало. Там разве что перед сном можно поговорить немножко, ну или книжку почитать.

В рубку управления нас сам капитан отвёл. Половина рубки вся в приборах, два кресла пилотов посредине, а дальше – огромное обзорное стекло. А за ним... Я сперва ничего не увидел. А потом Михал Михалыч вдруг выключил свет, и тогда я увидел! Это было... Я даже не знаю, как сказать... Как будто во сне, только ещё красивее. Я даже закричал от изумления:

– Ой, что это?!

А Сенька рядом со мной и говорит:

– Это звёзды, Ром...



Капитан на меня удивлённо так поглядел и головой покачал:

– Я вот иногда думаю, как же на венерианской станции ребятишки живут? Каюты и коридоры, коридоры и каюты, ни неба не видят, ни Солнца, ни даже звёзд! Ведь ты, Рома, никогда раньше звёзды не видел?

Я сглотнул, а потом говорю шепотом:

– Я Солнце один раз уже видел, когда мы в челноке на орбиту поднимались. А звёзды я в планшете видел, в учебнике по естествознанию... И ещё по телеку... Но я даже не думал, что они... вот такие вот!

– Ну, пока до Земли будем лететь, ты у меня на звёзды насмотришься ещё, настоящим астрономом станешь! Я вас в обсерваторию провожу, вот там за звёздами удобнее всего наблюдать. А Андрей Львович мне поможет. Тут всё-таки рубка управления, посторонних сюда пускать не полагается, разве что в исключительных случаях...

Я, наконец, очнулся, огляделся по сторонам и спросил:

– Товарищ капитан, а вы всё время здесь в рубке кораблём управляете?

– Обычно здесь дежурю или я, или наш космонавигатор. По очереди вахту несём, просто наблюдаем за приборами, чтобы всё шло как положено. Когда корабль по орбите летит, ему особо помогать не надо, главное не мешать... Ну а если нужна корректировка орбиты, тогда, само собой, сажусь за управление. И на стыковке с орбитальной станцией тоже.

– Как же так получается? – Сенька спрашивает. – Я думал, космическим кораблём всё время управлять надо, и рулить, и чтобы двигатели. Ну, как в видеоиграх...

– В ваших видеоиграх, – командир отвечает, – двигатели работают постоянно. Только вот нашей «Медведице» так ну совсем нельзя – это какой же запас горючего нужен, что-

бы двигатели все 100 миллионов километров работали? Корабль летит по особой траектории – гомановской орбите – с неработающими двигателями, свободно, как брошенный камень. Отсюда и невесомость!

– То есть прямо так, с неработающими двигателями, все пять месяцев полёта? – говорю.

– Не совсем. Точно рассчитать орбиту с Венеры на Землю не получится даже у самого мощного в мире суперкомпьютера. Поэтому время от времени мы включаем двигатели и как бы поправляем орбиту, корректируем её, понимаете, ребята? В это время невесомость у нас прекращается, и могут даже сильные перегрузки быть, ну, почти как на старте. Так что имейте в виду: если я по громкой связи объявляю, что скоро корректировка орбиты, надо немедленно бросать все дела, отправляться в свою каюту, залезать в койки и пристёгиваться как можно крепче, ясно вам?

– Ясно! – дружно отвечаем мы с Сенькой.

Обсерватория на корабле – совсем маленькое помещение, тёмное и пустое – только кресло с пристяжными липучками и небольшой телескоп. И стеклянный купол, а за ним – тысячи звёзд. Как в рубке управления, только, наверное, ещё красивее. Мы с Сенькой часто сюда поднимаемся, просто садимся в кресло друг с другом рядом, пристёгиваемся и смотрим. А ещё я иногда сюда один прихожу, особенно если мне вдруг грустно и по маме с папой скучаю, по ребятам из группы, и хочется одному побыть и поплакать так, чтобы никто

не видел. А ещё в обсерваторию частенько наведывается Андрей Львович, космонавигатор, он мне показывает, где какие звёзды и как называются, и какие созвездия, а ещё туманности и планеты в телескоп. И Землю тоже! Без телескопа она видна, как яркая-преярая голубая звезда, самая яркая в небе, я рядом с ней совсем – жёлтая звездочка. Это Луна, оказывается. А в телескоп видно, что Земля – как пухленький такой шарик, а Луна – жёлтенький, поменьше. Андрей Львович так сказал:

– С каждым днём, ребята, Земля будет к нам всё ближе и ближе, а через пять месяцев станет такая огромная, что будет занимать полнеба! Очень это красивое зрелище.

А я подумал, что пять месяцев – это ужасно долго. Один месяц – это целые четыре недели, а пять месяцев это вообще в голове даже не помещается...

В медицинский отсек мы когда заглянули, то удивились очень. Потому что я думал, что в медицинском отсеке койки, ну как у нас на станции в госпитальном, где мама работает. А там никаких коек нет, зато разные приборы и тренажёры стоят прикреплённые – и на полу, и на потолке, и по стенам. И бегать, и прыгать, и педали крутить, и всё такое. Сенькин отец сказал:

– Мы с капитаном составим график, и вы у меня каждый день будете по часу здесь на тренажёрах заниматься, понятно, ребята? И я с вами тоже за компанию.

Я ничего против не имею, даже прикольно. Это же как

на уроках физкультуры в школьном центре. А физкультура мне нравится. А Сенька спросил:

– Пап, а это прямо обязательно каждый день? А вдруг я не хочу, а лучше почитаю что-нибудь?

Анатолий Сергеевич объясняет:

– В невесомости, малыш, нашим мышцам очень легко. Силы тяжести нет, никакой нагрузки нет, хорошо, правда? Только вот это «хорошо» для организма совсем не хорошо – без нагрузок мышцы слабеют, причём очень быстро, а когда на Землю прилетим, ты настолько ослабнешь, что даже на ноги встать не сможешь, не то что ходить или бегать. Поэтому физкультура у нас будет каждый день обязательно, поняли?

Камбуз на корабле – это вроде бы кухня и столовая, но такие странные и ни на что не похожие, что я сперва даже засмеялся. Столов нет, стульев нет, ни одной чашки, ни одной кружки, ни ложек, ни вилок, ни тарелок. Когда мы первый раз на обед пришли (точнее, приплыли), Сенькин отец в стене открывает по очереди два небольших ящичка, и говорит:

– Это вот будет твоё обеденное место, Арсений, а это, Роман, твоё.

И протягивает нам каждому сразу по несколько тонких шлангов.

– Это, – спрашиваю, – чего?

Дядя Толя терпеливо объясняет:

– Это, брат, такая еда в космосе, и питьё тоже! Вот это

вот – синий шланг показывает – первое, вот это – показывает зелёный – второе, ну а что осталось, тут тебе и десерт, и компот! Смотри, как надо.

Себе тоже ящичек открывает, берёт такой шланг, суёт себе в рот и нажимает на кнопку. Я так тоже попробовал – в рот какой-то суп полился, тёплый, душистый и вкусный, кстати.

– А нормальных тарелок с ложками тут что, не бывает? – проглотил и снова спрашиваю. Сенькин отец отвечает:

– Привыкайте, друзья, к тому, что вы в невесомости, а тут нормального ничего не бывает, всё сплошь ненормальное. Если попробовать суп в обыкновенную тарелку здесь налить, как на Венере, то ничего у тебя не выйдет – он просто соберётся в гигантскую каплю и начнёт по всему кораблю плавать, как хочешь, так и лови! Кстати, раз уж такой разговор пошёл, запомните у меня – плевать в корабле категорически нельзя!

– Плевать везде нельзя, это некультурно и некрасиво! – Сенька назидательным тоном говорит.

– На станции или на Земле это просто некультурно, – терпеливо Анатолий Сергеевич объясняет, – а тут может быть ещё и опасно! Твой плевок никуда не упадёт, так и будет в воздухе летать, пока на что-нибудь не наткнётся. А если он на какую-нибудь приборную панель прилипнет? Даже не пытайтесь пробовать – накажу строго, оба поняли или ещё раз повторить? А если вдруг кого-то из вас вдруг затошнит, немедленно летите в санузел, там вытяжные трубы специаль-

ные для этого есть. И не только для этого...

В санузле Сенькин папа нам показал, как туалетными вытяжками пользоваться. Я ему сперва возмущённо сказал, что мне уже десять лет, а не два годика, и что я совсем не маленький, чтобы меня учить, как в туалет ходят. Тогда дядя Толя объяснил, что как мы дома привыкли, в космосе в туалет сходить невозможно. Потому что никаких унитазов нет, и из-за отсутствия веса снова «всё будет по коридорам плавать». Мы с Сенькой даже дружно захихикали, когда представили, как оно всё плавать будет в невесомости. Но дядя Толя сказал, что смешного тут ничего нет. А вытяжные трубы – они как пылесос работают, и всё-всё затягивают внутрь... А потом он показал нам душ – он выглядит, как толстый огромный пластиковый пакет. В него раздеваются и залезают, только лицо у тебя наружу торчит, а вода на тебя из дырочек со всех сторон сразу льётся, а потом её тут же обратно в трубу засасывает. Только в душ мы в этот раз не стали мыться залезать, Сенькин отец сказал, что ещё успеется.

В комнате связи мы каждый день бываем, потому что по маме с папой я всё равно скучаю, и с ними поговорить мне ну просто обязательно надо. Особенно с мамой. Отец всё время говорит, чтобы я Анатолий Сергеевича слушался, и капитана, и вообще всех взрослых, и чтобы учился старательно. А мама волнуется, хорошо ли нас тут кормят, и не заболел ли я, и не сильно ли мне грустно. А я сказал, что мы обязательно вернёмся на Венеру, и что я с Земли маме ка-

кой-нибудь самый лучший в мире подарок привезу. И с Пол-лексеевнкой мы тоже связывались и с ребятами в группе. Я когда на экране в первый раз нашу школьную комнату увидел и ребят за столами со стороны, меня как будто укололо что-то. Но я виду не подал, а наоборот улыбнулся и всем замахал рукой. И мы с Сенькой потом минут пятнадцать всем рассказывали, какое всё тут в космосе не такое, как на Венере, и удивительное.

В общем, почти всё у нас с Сенькой в корабле было хорошо. Кроме одного. Нас почему-то с самого начала невзлюбил бортинженер, Борис Матвеевич. Он как только нас увидел, сразу же вместо «здравствуйте» сделал такое лицо, будто съел самое горькое в мире лекарство, вздохнул, а потом почему-то начал негромко ругаться. Хотя мы ещё ничего такого не делали. Нет, он даже скорее не ругаться начал, а будто сам с собой сердито разговаривать, причём заунывным таким и печальным басом:

– Ну вот. Здравствуйте. Только этого мне не хватало. Дети на борту. Конец света. Совершенно начальство с орбиты слетело. Да вы понимаете, что это космический корабль, а не детский сад, не парк с аттракционами и не прогулочная площадка в зоопарке? Вы понимаете, какое здесь оборудование, какие приборы, какая дисциплина нужна, какой порядок? И чья же была блестящая идея пустить эту безмозглую мелюзгу на борт? Чтоб я сразу знал, на кого жалобы ру-

ководству сочинять, если что?

Сеньке и мне тоже сразу очень обидно стало. Причём и капитан, и Сенькин папа Борис Матвейчу начали объяснять, что не просто так нас на Землю везут, и что совсем мы с Сенькой не безмозглая мелюзга. Только он даже слушать ничего не захотел, только рукой махнул:

– Да вот не надо мне никаких рассказов ни про какие подвиги ни на какой Венере! И не пытайтесь меня переубедить: нечего детям тут делать, от них одна сплошная головная боль. Я на Земле когда механиком на прогулочном теплоходе работал, я тогда ещё с мальчишками-пассажирами наплакался. Вот ты только отвернёшься – а мальчишка уже куда-нибудь влазит тихой сапой и начинает какие-нибудь кнопки нажимать, и такого натворит, что ты потом будешь месяц расхлёбывать, ремонтировать и объяснительные писать. Я тогда с флота в авиацию сбежал в гражданскую – и что? На третий же рейс к нам в грузовой отсек пробрался мальчишка, чуть не задохся не замёрз, скандалище был грандиозный. И кто оказался в итоге виноват? Я оказался в итоге виноват. Недоглядел, видите ли. Я даже в космос подался почему – потому что думал, что хотя бы там, то есть здесь, этой заразы никогда не будет. Никогда. И вот теперь. Помяните моё слово, товарищ капитан – это он к Михал Михалычу обращается – если хотите, чтобы мы до Земли долетели, этих диверсантов надо сразу в каюте закрыть, к койкам пристегнуть с руками вместе, запереть на ключ и никуда не вы-

пускать. Тогда хоть какие-то шансы. А не запрёте – «Медведица» взорвётся аккуратно на полпути.

Тогда капитан за нас вступился и сказал, что бортинженер кругом неправ, что мы мальчишки вполне взрослые и умные, и что инструктаж по технике безопасности он с нами лично проводит, и что никаких проблем не будет. Только Борис Матвеевич все равно своё гнёт:

– Вы, товарищ капитан, как хотите, это как Вы скажете и под Вашу ответственность. И под Вашу тоже, уважаемый профессор Дымков. Но помяните моё слово: мальчишки – это хуже бомбы с часовым механизмом. Разве что пристегнуть и запереть. В общем, мне главное, чтобы у себя в приборно-агрегатном отсеке и в двигательном тоже я мальчишек не видел. Ни вдвоём, ни по одному, ни целиком, ни частями, ни даже мальчишеского уха в люке и вообще ни единого кусочка!

В общем, так я и не понял, чем мы этому бортинженеру не угодили. Фамилия у бортинженера, кстати, была Чемодаров. Поэтому и прозвали мы его с Сенькой втихаря «Чемодан». Ох и вредный же этот Чемодан оказался! Так повелось, что вечно мы ему хоть чем-то, но мешаем, а он капитану на нас постоянно жалуется. Один всего раз мы попытались в приборно-агрегатный отсек заглянуть – когда ещё только корабль обследовали, нашли длинный коридор, а в самом конце – круглый лаз. Даже носа туда не успели всунуть – этот самый Борис Матвеевич такой унылый вой поднял, как

будто на него дикие вампиры напали. Мы еле-еле от него в свою каюту успели укрыться и долго потом оттуда не выглядывали. Потом мы с Сенькой придумали по коридорам корабля в догонялки играть, а нас за этим занятием бортиженер застукал. Снова нажаловался капитану, сказал, что мы в какие-то там панели пальцами лазим и что вообще от нас проходу нет. Увидел как-то, что я в обсерваторию поднимаюсь – снова полетел к капитану со скандалом; навигатор Андрей Львович даже за меня вступился и сказал, что он астрономией со мной занимался и всё управление телескопа мне показал. Чемодан из рубки управления выплыл весь красный и страшно недовольный. И в кают-компании со мной и с Сенькой он никогда не разговаривал, даже если и заглядывал, то просто делал вид, что нас там нет, как будто мы пустое место. Даже «здрассте» не говорил.

Единственное, что нас спасало – так это то, что Чемодан в основном в своём агрегатном отсеке сидел всё время. Ну, или в каюте у себя. Он даже чтобы обедать-ужинать время так выгадывал, чтобы нас не видеть, и в кают-компании практически не появлялся, даже когда вечером все вместе собирались телек смотреть, в шахматы играть или просто беседовать. Сенька один раз папу своего спросил, почему Чемодан такой вредный и на нас всё время наговаривает. Анатолий Сергеевич пожал плечами:

– Не знаю, малыш. Люди – они всякие бывают, кто-то не любит порошковое молоко, кто-то – луковый концентрат,

а наш бортинженер мальчишек терпеть не может. И вообще по характеру он ворчун страшный и зануда. Как мне рассказывали, он в жизни ещё никого ещё ни разу не похвалил. А так-то специалист он очень хороший, грамотный. Вы главное, пожалуйста, ведите себя как положено, правила соблюдайте; тогда и у Борис Матвеевича лишнего повода не будет на вас жаловаться.

Только с правилами всё-таки у нас с Сенькой обидная оплошка вышла. Уже третья неделя полёта была позади. Отзанимались мы уроками, как положено по распорядку, а до обеда время оставалось, и решили мы достать Сенькин конструктор поиграть. Я как раз читал про земную технику, про разные колёсные вездеходы, и захотелось мне точно такой же вездеход сделать, и Сеньке тоже интересно. А потом прозвенел сигнал, и Анатолий Сергеевич нас обед позвал есть. А как пообедали, сел с нами уроки проверять, а когда отпустил, мы с другом моим в медотсеке на тренажёрах занимались, а после в прятки играли по коридорам и в видеоигры тоже.

А после ужина сразу в кают-компанию влетает Чемодан, унылый, как обычно, только при этом ещё и злющий. На нас глазами сверкнул, а потом говорит таким мрачным голосом, будто горчицы объелся или у него в день рождения все подарки отобрали:

– Товарищ капитан, я Вас категорически прошу проследовать за мной. Это же ни в какие ворота не лезет. Террори-

сты, варвары. Я же говорил – с ними мы до полпути не долетим, потому что в один прекрасный день у нашей «Медведицы» отвалится двигатель.

И вместе с Михал Михалычем из каюты выплыл. Мы с Сенькой ничего не понимаем, переглянулись – что за беда? А Сенькин отец только вздохнул. Через четыре минуты слышно по громкой связи голос капитана:

– Анатолий Сергеевич, возьмите ребят с собой и направляйтесь к нам в агрегатный отсек...

Вот так вот! Значит, нас к себе в агрегатный Чемодан даже на порог не пускал, а теперь сам капитан туда приглашает. Ой, не к добру это и что-то будет... Добираемся до нужного лаза – впереди я, за мной Сенька, за ним Анатолий Сергеевич. В агрегатном отсеке со всех сторон просто куча приборных панелей, труб, проводов, лампочек, индикаторов, компьютеров и всего остального. Куда ни глянь – везде одни кнопки, не присесть даже. Михал Михалыч нам рукой показывает в какой-то закуток и спрашивает недовольно:

– Ребята, это что такое, а?

А в закутке аккурат между двумя сенсорными панелями плавает... наш с Сенькой вездеход, который мы из конструктора собирали перед обедом. Да как же он тут оказаться мог?

– Он же в кают-компании был... – говорю озадаченно и чешу в затылке.

– Мы его оттуда никуда не выносили! – это Сенька добавляет.

– Ага, значит, ваша игрушка была в кают-компании. А что было потом?

– А потом нас на обед позвали...

– А игрушку в коробку не убрали, в ящик не закрыли? Ребята, я что вам объяснял в самом начале полёта? Какое самое первое правило безопасности в невесомости?

А я уже, честно говоря, совсем забыл про эти правила безопасности. И Сенька тоже молчит в ответ. Капитан ругается строго, каждое слово как крепёжный крюк в скалу вбивает:

– В невесомости оставленный без присмотра предмет может оказаться где угодно! Вы игрушку оставили в каюте, а в итоге она доплыла до агрегатного отсека и ударила нашего уважаемого Борис Матвеевича по голове!

Мы с Сенькой не удержались и хрюкнули от смеха. Ой, зря...

– Михал Михалыч, вы только посмотрите, им ещё и смешно... – уныло вставил Чемодан.

В общем, досталось нам в тот вечер по полной программе с плюсом. Потом Сенькин папа нас ещё полчаса, наверное, ругал и говорил, что летающий в воздухе посторонний предмет мог и человека поранить, и какой-нибудь прибор или датчик испортить, и вообще неизвестно куда залететь. И конструктор у нас отобрал и запер у себя в ящик, а потом велел сразу отправляться спать, без никаких даже мультиков или видеоигр. Заставил влезть в спальные мешки и крепко-накрепко пристегнул. А напоследок ещё и пригрозил:

– До подъёма даже не вздумайте отстёгиваться! Наказаны! И если не научитесь в невесомости себя вести, то и в самом деле до самой Земли заставлю привязанными в пенале лежать, понятно?

Мне до слёз прямо обидно стало. Как будто мы нарочно. И Сенька тоже всхлипывает, слышу. Дядя Толя тогда вздохнул, улыбнулся и по волосам нас потрепал:

– Ну ладно, ладно, будет с вас. Но постарайтесь понять, ребята: тут невесомость, тут всё не так, как вы привыкли на Венере. Вам кажется, что это пустяки – а из-за вас большая беда могла приключиться, и хорошо, что не приключилась.

И уплыл из каюты. Я поёрзал в спальнике, неудобно потому что. Может, в невесомости всё не так, как мы привыкли на Венере, только вот шлепок по мягкому месту нежнее ни капельки не становится! Сенька носом шмыгнул и говорит:

– Это всё Чемодан вредный виноват. Не мог просто взять и объяснить, чтобы мы так больше не делали. А он целый спектакль устроил, и капитану пожаловался.

А я подумал и ответил:

– У наших демонов на станции, ну, у шахтёров то есть, поговорка такая, что правила безопасности пишут кровью дураков, которые эти правила не соблюдают. Папка её часто повторяет. Чемодан, конечно, вредина, но мы тоже хороши. И смеяться нам не надо было – вот если тебе по голове таким вездеходом прилетело бы неожиданно, разве это смешно?

И перед тем, как заснуть, я сам себе честное-пречестное слово дал, что больше в невесомости с нами никаких приключений не случится, и что все правила мы будем соблюдать. Откуда же мне было знать, что я своё обещание не сдержу?

Случилась эта история на шестой неделе полёта. Совсем мы с Сенькой на корабле освоились – и с невесомостью, и с распорядком дня, и с учёбой. Я, конечно, очень скучал по папе с мамой, но Анатолий Сергеевич, как будто нарочно, совершенно завалил нас задачками. Так что скучать и грустить времени особенно и не было. А на вечернем сеансе связи я или с мамой, или с папой болтал, или с ребятами из группы. И становилось гораздо веселее.

Однако всё равно мы с Сенькой время для игр находили обязательно. Иногда в кают-компании, а иногда пробирались втихаря – ну, чтобы Чемодан вдруг не увидел – в грузовой отсек и играли там в догонялки. Или в прятки. Или даже в нападение инопланетян! Мы из старых пластиковых листов вырезали детали, склеили себе по шикарному бластеру, раскрасили, а чтобы вдруг не потерять, ну как в тот раз, пристегнули к комбинезонам на длинные шнуры. Вот и на этот раз мы решили полетать с бластерами по грузовому отсеку и полезли в ящик с игрушками. И тут вдруг мой взгляд упал на коробку с Сенькиным вертолётom. Который с радиоуправлением, и с самой Венеры мы не доставали его ещё ни разу.

– Слушай, Сень! – сказал я. – А как ты думаешь, в невесомости вертолёт будет летать или нет?

Друг мой задумался.

– Ну, вертолёт – он же лопастями как бы от воздуха отталкивается, верно? А воздух у нас в корабле вполне нормальный. Значит, летать будет.

– Воздух тут, конечно, есть – отвечаю авторитетно, – но сила тяжести у нас отсутствует, верно? А вертолёт в полёте сила тяжести выравнивает. Не будет он летать, а если даже будет, то управлять им у тебя не получится.

– У меня этот вертолёт уже давным-давно, мне его папа на восемь лет ещё подарил! – Сенька даже обиделся. – Я знаешь как им управлять умею? Я на нём все фигуры высшего пилотажа делаю запросто!

Я-то знаю, ещё на Венере Сенька не раз показывал. Мастерски он вертолётником этим управляет, не врёт ни капельки. Но здесь? В невесомости? Думаю.

– Ты же сам сколько раз повторял, и папка твой, и капитан Косолапов. Что в невесомости всё не так. Спорим, не полетит твой вертолёт?

Сенька не сдаётся:

– А вот спорим, что полетит!

– Не полетит!

– Полетит!

Так мы спорили горячо, что совсем я про все правила безопасности позабыл. И про обещания, которые давал сам се-

бе. Вот до хрипоты, честное слово! Наконец, Сенька не выдержал, коробку открыл, вертолёт и пульт управления вытаскивает.

– Ну, давай! Только здесь в каюте места ну совсем нет, чтобы запускать. Может, в кают-компанин?

– Нет, – отвечаю, – в кают-компанин наверняка твой папка сейчас сидит работает, мы мешать ему только будем... Лучше поплыли в грузовой отсек. Там места больше всего свободного. Главное, чтобы Чемодан-вредина нас случайно не заметил. А то опять капитану наябедничает.

Неслышно, чтобы никто вообще внимания не обратил, полетели мы по основному коридору, потом вниз и налево, потом через открытый настежь люк вверх – к грузовым отсекам, короче. Я в руках вертолёт несу, а Сенька – пульт от вертолёта. Заплыли мы, наконец, дежурный свет автоматически сразу зажёгся. Всё, как обычно – кучи ящиков со всех сторон и проходы между ними. Настоящий полигон – самое место, чтобы наш эксперимент провести.

– Ну что, ставь давай вертолёт! – Сенька мне говорит.

– А куда ставить-то? – спрашиваю.

– Да куда хочешь! Хочешь просто в воздухе висеть его оставь – невесомость же!

Я даже хихикнул. И правда. Медленно и аккуратно так оставляю вертолёт висеть посреди прохода – висит, как миленький! А сам в сторонку отплыл, чтобы не мешать.

– Ну что, поехали! – тут друг мой джойстики захватывает

пальцами, а потом на кнопку пуска двигателя нажимает. Что было дальше – такого никто из нас не ожидал. Винт завращался, а сам вертолёт вместо того, чтобы неторопливо полететь, ну как у нас на Венере всегда было, когда мы играли, вдруг закувыркался вокруг себя и с бешеной скоростью как рванёт – мы только рты раскрыли. А вертолётик по какой-то причудливой дуге несколько метров пролетел, да как стукнется, как отскочит об стенку ящика!



– Ой, Ром, он же разобьётся! – Сенька чуть не плачет. –  
И винты поломаются...

– Двигатель выключи, он остановится! – быстро отвечаю.  
Сенька на кнопку нажал, только чёрта с два вертолёт оста-  
новился. От одного ящика к другому летит быстро-быстро,  
только об стенки стучается. Мы с Сенькой давай, недолго ду-

мая, догонять его. А попробуй догони!

– Главное, чтобы он не потерялся, как тогда, с вездеходом! – на ходу выдыхаю. – А то достанется нам по полной...

– Сейчас до переборки отсека долетит и обратно отскочит! Лови его тогда сразу, Ром! – Сенька мне во ответ. – Только бы не сломался...

Я вижу – до переборки и вправду игрушка долетела, отскочила, только вот не в мою сторону, а куда-то вниз. И тут же исчезла, как не было её. Подлетаем – возле самого стыка панелей довольно большое отверстие, круглое, сантиметров тридцать. Руку можно просунуть и даже голову, а вот плечи уже никак не влазят. И темнота внутри. Я фонариком посветил – труба и труба, гладкая, видно, что вертолёт наш развернуло поперёк, и застрял он. Но рукой не дотянешься. И даже палкой какой-нибудь, была бы у нас палка. Крючок нужен длинный, из проволоки, что ли, сделать? – медленно раздумываю.

– Ну, чего там? – Сенька меня спрашивает. А я только тут сообразил, что головой в стене торчу задницей наружу, и насколько глупо выгляжу. Не самая лучшая поза для размышлений. В общем, начал обратно голову вытаскивать с рукой, а тесно так, что ушам даже больно. Еле вылез.

– Есть. Там он. Но далеко, – говорю, – не достать.

А Сенька, гляжу, совсем расстроился:

– Ну всё, теперь точно накажут...

– Погоди раскисать! – говорю. – Никто пока ничего не ви-

дел. Надо только кусок проволоки найти подлиннее, согнуть крючком, и тогда вытащим. И не узнает никто ничего, понял?

Гляжу – друг мой приободрился. Но тут слышу – шорох, шум гулкий возле люка. Кто-то в грузовой отсек лезет! Мы, не сговариваясь, делаем самые невинные в мире физиономии – дескать, я не я и каюта не моя. Только от дырки этой дурацкой подальше отплыли. Неужели Чемодан? Вот незадача... Однако нет, из-за ящика Сенькин отец появляется:

– Вот вы где, уважаемые! И чем же изволите заниматься, позвольте спросить?

– Мы в прятки играли, дядя Толя! – я говорю, как будто вообще ничего не произошло. А Сенька только кивает.

– В прятки, значит? А на часы вы глядеть не пробовали? А ну немедленно за учёбу! Я вас по всему кораблю уже десять минут как разыскиваю, между прочим. Кругом, марш!

Сенька и я, как один, выдаём самый разочарованный в мире вздох, и плывём к люку. Только на самом деле ни грамма я не огорчился, а наоборот, обрадовался. Потому что дядя Толя ничего не заметил. А после уроков мы нашу игрушку обязательно вытащим!

Только ничегошеньки у нас не вышло. Сперва Анатолий Сергеевич нас часа три или даже четыре гонял по всем предметам. Аж голова вся вспухла. Потом велел на тренировку отправляться в медицинский отсек. Потом на ужин. А потом

проводил до спального пенала и говорит:

– Так, ребята, на сегодня хватит с вас! Давайте-ка в койки, пристёгивайтесь покрепче и попробуйте отдохнуть. Скоро корректировка орбиты будет, Андрей Львович уже почти закончил вычисления, так что в коридорах корабля вам делать нечего. Завтра в прятки свои доигрывать будете. Укладывайтесь!

– А как же ты, пап? – Сенька спрашивает.

– И я тоже скоро к вам присоединюсь. Мне с Михал Михалычем переговорить надо.

– Ну хоть поболтать нам с Ромкой можно?

– Болтайте, только недолго.

– А во время корректировки перегрузка сильная будет, как на старте? – я забеспокоился.

– Этого я тебе, брат, заранее сказать не могу. Но уверяю, ничего смертельного. Старт пережили, значит и корректировку переживём. Главное – пристегнитесь хорошенько и чтобы из коек не вылазить!

А я что-то и вправду устал. Даже зевать начал. Заплыли мы в каюту, втиснулись в свой пенал, разделись, влезли в спальные мешки и пристегнулись. Я Сеньке помог ремни затянуть, а он – мне. Свет выключили. Только спать почему-то сразу расхотелось. Тут Сенька и говорит:

– Ромк, а давай сказку придумывать!

– Давай! А как это? – спрашиваю.

– Ну, вот ты какие-нибудь сказки знаешь?

– Знаю, конечно. Про Колобка знаю, а ещё «Кот в сапогах»...

– Вот! А мы всё перепутаем, чтобы было смешно! Будет у нас сказка «Колобок в сапогах»!

Тут мне интересно стало. Сенька начинает:

– Жили-были дед да баба, и было у них три сына. Одному досталась мельница, второй получил осла, а третий и говорит старухе: – Испеки-ка ты мне, старуха, колобок!

Я засмеялся:

– А старуха испекла колобок, купила ему шляпу с пером и сапоги со шпорами, и положила на окошко остудиться!

Сенька подхватывает:

– А Колобок полежал-полежал, запряг лошадей, сел в карету и поехал в королевский замок!

Снова моя очередь:

– Катит Колобок в королевский замок, а навстречу ему – Заяц! И говорит: – Колобок-колобок, я тебя съем! А Колобок ему и отвечает: – Скажи мне, Заяц, чьи это прекрасные луга и леса? Маркиза Де Карабаса?

Тут я вдруг замолк и задумался, а потом спросил:

– Сеня, а прекрасные луга и леса на Земле правда бывают?

Сенька только головой кивнул.

– А ты такие луга сам видел, или только по телеку?

Сенька отвечает:

– Сам, конечно. У нас дача на Волге, а там недалеко есть и лес, и луг тоже... Там какая-то трава особенная растёт, она,

когда дождик пройдёт, так чудесно пахнет... И мягкая-мягкая, ноги щекочет, я по ней бегать знаешь как люблю...

И смотрит перед собой – вроде бы на меня, а будто сквозь стенку далеко-далеко:

– Здесь на корабле, да и на станции у вас воздух совсем другой. Ни холодный, ни горячий, не движется ни капельки, и совсем без запаха. Как будто бы и нет его вовсе. А на Земле воздух всегда пахнет, и всегда по-разному – в лесу летом один запах, а осенью совершенно другой; на берегу реки пахнет водой, тиной и водорослями, а на лугу в жаркую погоду пахнет мёдом, и днём всегда кузнечики стрекочут, а ночью сверчки. И дождик...

Я в своём спальном мешке пошевелился:

– А дождик – он ведь из воды, как душ, да?

Сенька отвечает:

– Нет, дождик он на душ похож, только если на картинке нарисованный, и то чуть-чуть. А на самом деле совсем не такой – там и тучи, и ветер, и тень, и пахнет совсем по-особенному, и уже знаешь, что сейчас дождь пойдёт. А если гроза приближается, то сперва сверкают молнии, а потом накатывает гром, страшно, а всё равно здорово...

– А у нас внизу у поверхности тоже молнии бывают в атмосфере! Ещё какие! – говорю.

Сенька уже совсем тихо:

– Я знаю. Просто на Земле другие... А корабль так медленно летит, еле-еле тащится...

Я плечами пожимаю:

– Ты не грусти так, Сень. Главное – мы летим! Это так всегда бывает, когда сильно чего-нибудь ждёшь, а оно всё не наступает и не наступает, как день рождения. А надо просто про это не думать, тогда оно – рррраз! – и наступит. Мне самому знаешь как не терпится на Земле побывать? Ого!

Лежу, думаю, чего бы ещё спросить...

– Сень, а Сень, а у вас на Земле мармелад такой же вкусный, как у нас?

Сенька отвечает:

– Не, совсем не такой. У вас на станции он тонкий, плотный, я когда первый раз увидел, думал это пластмассовый лист какой-то. А на Земле мармелад толстый, мягкий, прозрачный и сахаром обсыпанный. И хлеб на станции больше на печенье похож, только несладкое, и в холодильнике может хоть месяц лежать – ничего ему не будет. А у нас он сперва тёплый, мягкий и пышный, если свежий. А потом черствеет и становится жёсткий, только на сухари годится.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.